

Религия, общество, государство

БОГАЧЁВ Максим Игоревич – аспирант Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (РАНХиГС) (105062, Россия, г. Москва, Лялин пер., д. 3-А; bogachev2008@mail.ru), преподаватель Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»

ПРАВОСЛАВНЫЙ – НЕ ЗНАЧИТ ПРОВЛАСТНЫЙ: ПРИЧИНЫ НАЛИЧИЯ РАСХОЖДЕНИЙ В ПАРТИЙНЫХ ПРЕДПОЧТЕНИЯХ РАЗНОВОЦЕРКОВЛЕННЫХ ПРАВОСЛАВНЫХ ВЕРУЮЩИХ

Аннотация. Статья посвящена теме взаимоотношений РПЦ и российского государства. Автор уточняет некоторые положения о роли православных верующих в политическом процессе современной России, озвученные исследователями в общественно-политическом пространстве, и раскрывает результаты собственного исследования, посвященного партийным предпочтениям православных верующих. Он утверждает, что набожные верующие не голосуют за «Единую Россию», в то время как номинальные верующие, наоборот, оказывают активную поддержку данной партии, и раскрывает причины наличия расхождений в электоральных предпочтениях православных верующих.

Ключевые слова: социология, социология религии, политическая социология религии, политология религии, православие, политика, политические предпочтения, электоральные предпочтения

На протяжении последних месяцев в общественно-политическом пространстве развернулось активное обсуждение взаимоотношений российского государства и Русской православной церкви.

Сначала появилась статья Федора Крашенинникова, в которой президент Института развития и модернизации общественных связей задавал вопрос, зачем власти нужна церковь. Основной посыл автора сводился к тому, что религиозные службы в России посещает около 3% населения, что представляет собой мизерный электоральный потенциал, который ничего не может дать властям предрешающим. Поэтому государству не имеет смысла поддерживать РПЦ, т.к. это экономически неэффективно [Крашенинников 2017].

Позднее появилась другая статья, где раскрывались результаты исследования социолога Марии Ухатовой, в которых автор приходил к выводу, что «обрядовые» православные верующие активно голосуют за «Единую Россию» и В.В. Путина, и поэтому финансовые вливания российской власти в РПЦ являются вполне обоснованными [Железнова 2017].

Данная статья призвана продолжить развернувшуюся полемику и внести некоторые уточнения в ранее озвученные положения.

Во-первых, большинство российских граждан идентифицируют себя как приверженцев православного вероисповедания. Статистика численности граждан, отождествляющих себя с православным вероучением, сильно варьируется (от 74% по данным Левада-Центра в 2012 г.¹, до 41% по данным проекта «Арена» НИС «Среда», использовавшей инструменты ФОМа в 2012 г.²). Несмотря на это, в сравнении с представителями других религиозно-мировоззренческих групп

¹ В России 74% православных и 7% мусульман. Результаты опроса Левада-Центра от 23–26 ноября 2012 г. Доступ: <http://www.levada.ru/17-12-2012/v-rossii-74-pravoslavnykh-i-7-musulman> (проверено 30.06.17).

² Арена. Атлас религий и национальностей России. – Исследовательская служба «Среда». 2012. Доступ: <http://sreda.org/arena> (проверено 30.06.17).

россиян лица, идентифицирующие себя как православные, являются большинством (если не абсолютным, то относительным), т.е. значимой в электоральном пространстве группой.

Во-вторых, озвученная Ф. Крашенинниковым отметка в 4,3 млн чел., являющихся мобилизационным ресурсом РПЦ, не может считаться объективной. Посещаемость храмов на Пасху не является конвенциональным показателем числа набожных («ядерных», регулярно практикующих) верующих. Многие прихожане (верующие, регулярно посещающие службы) не могут явиться на все-нощную службу по объективным причинам (наличие маленьких детей, пожилой возраст, состояние здоровья и т.п.), в то время как так называемые «захожане» (номинальные верующие, редко бывающие на службах) появляются в храмах именно во время важных религиозных праздников.

В-третьих, доля верующих, которых можно назвать мобилизационным ресурсом РПЦ, представляет собой силу, достойную внимания в политическом процессе современной России. Статистические данные о численности регулярно практикующих православных верующих также сильно колеблются. По разным подсчетам, набожные верующие составляют 2% [Ситников 2012: 64], 4%¹, 8% [Тарусин 2006: 345], 10%², 12% [Синелина 2013], 13%³ всех православных россиян. Однако если взять средний показатель в 6,5%, то получится, что численность набожных верующих в России находится в пределах от 3,8 млн (при 41% православных в РФ) до 6,9 млн (при 74% православных в РФ) чел. Иными словами, от 3,8 до 6,9 млн чел. относятся к группе, обладающей высоким агитационно-мобилизационным потенциалом.

В-четвертых, тезис М. Ухватовой о том, что «вероятность голосования за Путина и “Единую Россию” выше у той части считающих себя православными, кто придает большее значение соблюдению обрядов (причастие, молитва, посещение службы)» [Железнова 2017], является лишь частично верным. Увеличение частотности совершения религиозных практик, прежде всего посещения религиозных служб, приносит дополнительные голоса партии власти лишь до определенного момента, после преодоления которого усердное следование религиозным предписаниям начинает работать в обратном направлении и понижать лояльность православных верующих «Единой России». Связь между совершением религиозных практик (обрядовостью) и голосованием за «Единую Россию» является не монотонно возрастающей, а параболической [Богачев 2016]. Набожные (истово верующие) православные, бывающие на службах еженедельно, за «Единую Россию» не голосуют. Электорат партии власти – это номинальные (культурные) православные – широкая группа, включающая в себя как тех верующих, которые бывают на службах несколько раз в год по большим праздникам, так и тех, кто посещает службы ежемесячно.

Данный факт можно зафиксировать, если разбить совокупность россиян, идентифицирующих себя как православных верующих, не на две большие группы, как это сделала М. Ухватова, а на большее число категорий. Основным критерием для дробления сообщества православных является воцерковленность – степень соприкосновения человека с коллективными нормами сообщества православных верующих, степень религиозной социализации верующего, которая может

¹ Количество православных в стране увеличилось, но процент «воцерковленных» не изменился. 2010. – *Благовест-инфо*. Доступ: <http://www.blagovest-info.ru/index.php?ss=2&s=3&id=33254> (проверено 30.06.17).

² Число воцерковленных православных в России выросло в два раза по сравнению с 1990-ми. 2009. – *Интерфакс-религия*. Доступ: <http://www.interfax-religion.ru/?act=news&div=31078> (проверено 30.06.17).

³ Воцерковленность православных. Индекс воцерковленности православных: мониторинг. 2014. – *ФОМ. Официальный сайт*. Доступ: <http://fom.ru/TSennosti/11587> (проверено 30.06.17).

быть измерена через частоту посещения религиозных служб. В зависимости от степени воцерковленности выделяется 5 групп православных верующих: невоцерковленные (не посещают служб вообще), маловоцерковленные (посещают 1 раз в год и реже), средневоцерковленные (посещают службы несколько раз в год), воцерковленные (посещают 1 раз в месяц) и сильновоцерковленные (посещают 1 раз в неделю и чаще). Если посмотреть в каждой группе долю граждан, которые на федеральных выборах голосовали за «Единую Россию», то перед нашим взором предстанет параболическая форма связи между частотой посещения религиозных служб и голосованием за «Единую Россию». Примечательно, что данная форма связи является устойчивой и воспроизводится на трех электоральных циклах подряд – в 2003, 2007 и 2011 гг.

В чем же причина различий в степени поддержки «Единой России» у маловоцерковленных, средневоцерковленных, воцерковленных (номинальных) и сильновоцерковленных (набожных) православных верующих?

Во-первых, у данных групп различаются мотивы посещения религиозных служб; религия в различной степени важна для них и выполняет отличные функции.

Для номинальных верующих среди мотивов посещения храмов в большей степени выражены социальные, а не религиозные основания. Номинальные верующие приходят в храм преимущественно для того, чтобы почувствовать себя православными, ощутить сопричастность к группе православных верующих. Они практически не знакомы с догматическими положениями вероучения. Для них посещение храма, службы скорее является актом выражения принадлежности к сообществу, исполнением скрепляющего и конституирующего общества ритуала, нежели коммуникацией с высшей силой, отсутствие которой выбивает человека из душевного равновесия. Религиозная традиция для номинальных верующих не отделяется от общей социокультурной традиции. Номинальные верующие ортопраксичны – им важно совершить религиозный ритуал, который способствует укреплению солидарности сообщества, но им не важен его религиозный смысл, осмысление остается за рамками их восприятия.

У набожных верующих религиозные мотивы посещения служб превалируют над социальными. Они в большей степени информированы о содержании религиозных доктрин, мнении Церкви по тем или иным вопросам. Для них посещение служб прежде всего религиозный акт, они испытывают вполне осязаемую потребность в переживании трансцендентного. Набожные верующие ортодоксичны – для них религиозный смысл, каноническая строгость имеют большее значение, чем формализованное исполнение ритуала.

Различия в мотивах посещения религиозных служб сказываются на дифференциации групп верующих и в политической плоскости. Разные мотивы посещения служб связаны с акцентуацией внимания на различных проблемах и вопросах, которые затрагивают в своих программах политические силы. Для сильновоцерковленных (набожных) верующих в большей степени важна позиция политической силы по вопросам, касающимся религиозных норм (моральных и культурных), в то время как для не-, мало-, средневоцерковленных и значительной части воцерковленных (номинальных) православных более важна позиция властей предрержащих по социальным и экономическим вопросам. Значимость позиции партии по проблемам морального и культурного характера порождает среди регулярно практикующих православных иные мотивы для голосования, иные значимые вопросы, иные политические предпочтения [Wald, Shye 1995].

Во-вторых, номинальные и набожные верующие, для обывателя представляющие как гомогенный универсум православных, достаточно жестко дифференцируют друг друга и идентифицируют себя с различными группами православных.

Номинальные православные представляют собой новый тип постсекулярного верующего. С одной стороны, они признают за религией определенный набор функций: в частности, церковь в их глазах предстает как элемент, который интегрирует российское общество и сохраняет его аутентичность, как основной источник социального призрения и благотворительности и т.п. Номинальные верующие положительно относятся к расширению влияния церкви на сферы общества, которые они относят к перечню церковной компетенции. Но, с другой стороны, номинальные верующие в штыки воспринимают попытки религиозного института выйти за пределы церковной ограды и проникнуть в сферы, с точки зрения номинальных верующих, не относящиеся к области церковной компетенции (политика, экономика).

Кроме того, номинальные православные хотят казаться верующими, но не готовы быть ими. Они готовы периодически производить впечатление рьяной приверженности православному вероисповеданию, приходить на различные мероприятия для того, чтобы «побыть верующими» и проявить свою идентичность, но не готовы быть православными в реальной повседневной жизни. Номинальные православные не готовы исполнять религиозные нормы, в которых они не видят ни практического, ни символического смысла. Приходская религиозность для них слишком обременительна и требовательна, она плохо совмещается с повседневностью современного человека, а потому выдворяется за скобки приемлемой религиозной жизни. Номинальные верующие стремятся минимизировать контроль церкви и религиозной общины над своей жизнью (как экономической, так и семейной, и даже религиозной), они не приемлют церковь как тотальный институт. Они признают за церковью функцию морализатора, но не готовы беспрекословно следовать ее учению и рекомендациям. Постсекулярный верующий сожалеет о своей малой религиозности, он ратует за ее увеличение в обществе, перекадывая тем самым ответственность за улучшение окружающего мира с себя на институт церкви. Но при этом он сам не готов примерять на себя все оковы и лишения, которые несет увеличение религиозности в обществе и усиление позиций церкви. Религия, безусловно, занимает какую-то часть в жизни номинальных верующих, но эта часть крайне ограничена и не допускается к расширению. Номинальные верующие не готовы передать клиру бразды правления собственной жизнью, в т.ч. и религиозной, они считают себя в этих вопросах более компетентными.

Постсекулярному верующему его мировоззрение не кажется противоречивым, а его вера — неискренней. Он считает себя настоящим православным, он идентифицирует себя с такими же, как он, гражданами, подсознательно воспринимающими религию прежде всего как атрибут принадлежности к сообществу. Поэтому для номинальных верующих факт показательного присутствия представителей органов власти на праздничных литургиях не кажется чем-то фальшивым — для них это норма, иллюстрация единения власти и народа. Иными словами, для номинальных верующих условный Путин, находящийся на религиозной службе на Рождество, является в такой же степени верующим, как и они сами. Напротив, набожные верующие для номинального православного являются собой пример ненормальности, он их не воспринимает как своих.

Аналогичная ситуация происходит и с идентификацией у набожных верующих. Они воспринимают себя гонимой, ущемленной группой, ибо в современном российском обществе многие называют себя православными, но немногие готовы жить по-православному. Набожные верующие, фактически являющиеся субкультурой (они имеют отличительные атрибуты — одежду, свой сленг и т.п.), под православными понимают таких же, как они, истово верующих людей, соответствующих их представлениям о норме. Они скептически относятся к пред-

ставителям власти, которые эпизодически, но демонстративно показывают свою «православность», и воспринимают их как «захожан» и «прохожан». Для набожных верующих вопрос о религиозности условного Путина остается открытым, т.к. сильновоцерковленным (набожным) верующим важны не формальные атрибуты веры, ориентированные на номинально православное большинство (стояние со свечкой на Пасху, купание в проруби), не выделение государственных средств на церковные нужды, а реальные дела политического деятеля, партии по морально значимым вопросам. Так, для сильновоцерковленных (набожных) верующих позиция «Единой России» по вопросу абортов, гомосексуализма, ювенальной юстиции, запрета физического наказания детей и т.п. является более значимой, чем заявления о важности православия для государства и передача в собственность Церкви нового имущества.

В-третьих, номинальные и набожные верующие разделяют различные ценности и социальные установки; они находятся на различных отметках идеологического спектра, что также способствует различному отношению к «Единой России».

Увеличение частоты посещения религиозных служб в той или иной мере сопряжено с ознакомлением, вовлечением и принятием существующих в сообществе практикующих верующих норм и ценностей — религиозной социализацией. Процесс религиозной социализации подразумевает постепенное изменение мировоззрения верующего путем поэтапного усваивания религиозных норм и ценностей. Изменение мировоззрения, постепенно происходящее в процессе увеличения частоты посещения религиозных служб, затрагивает и политическую плоскость, что проявляется в увеличении приоритетности для верующего элементов традиционализма и консерватизма, выходе на первый план моральных и культурных вопросов, а не связанных с экономикой и социальной защитой. Поэтому средневоцерковленный православный оказывается менее консервативным, чем воцерковленный, а воцерковленный — менее консервативным, чем сильновоцерковленный.

Увеличение консервативности верующих, эксплицитно фиксируемое после перехода из воцерковленной группы в сильновоцерковленную, отражается и на преобразовании мнения о существующей власти в целом и о «Единой России» как партии власти в частности. «Единая Россия» позиционирует себя как социально-консервативную партию, т.е. также занимает место на идеологической прямой «либерализм — консерватизм». Однако если мало-, средне- и воцерковленные верующие находятся немного левее позиции «Единой России» на идеологическом спектре, то сильновоцерковленные православные оказываются существенно правее точки, которой придерживается «Единая Россия». Этим и обосновывается понижение поддержки данной партии среди набожных православных.

Для понимания данного явления можно привести следующую редукционистскую формулировку: мало-, средне- и воцерковленные православные любят Путина за то, что он Путин, а сильновоцерковленные православные критикуют Путина за то, что он в недостаточной степени Путин. Иными словами, если средневоцерковленные верующие лояльно относятся к умеренно-консервативной и «патриотической» риторике власти, соотносящейся с типичным для православного сообщества набором мировоззренческих компонентов, то для сильновоцерковленных верующих умеренный консерватизм и сдержанный патриотизм не считаются приемлемыми. Еженедельно посещающие религиозные службы индивиды придерживаются радикально консервативных и патриотических взглядов, и их не устраивает медлительность и нерешительность действий власти. Поэтому они чаще отдают предпочтение радикально

настроенным державно-патриотическим силам, а не умеренно консервативной «Единой России».

Возвращаясь к изначально поднятым вопросам о том, приносит ли светской власти какие-либо выгоды выражение лояльности РПЦ, дают ли финансовые вложения в РПЦ властям предержавшим какую-нибудь электоральную поддержку со стороны православных верующих, необходимо резюмировать, что лояльному отношению российского государства к РПЦ сопутствует положительное отношение номинальных православных верующих (воспринимающих православие как новый коллективный идентификатор) к партии «Единая Россия», представляющей интересы государственной номенклатуры. Однако зависимость между приверженностью к религии (исполнением религиозных обрядов) и поддержкой партии власти имеет не монотонно возрастающую, а параболическую форму. Верующие, хотя бы 1 раз в месяц посещающие религиозные службы, чаще голосуют за «Единую Россию», чем те православные, которые вообще не бывали на службах или посещают их 1 раз в год. Однако увеличение частоты посещения религиозных служб с 1 раза в месяц до 1 раза в неделю и чаще сопрягается со снижением поддержки «Единой России». Таким образом, истово верующие набожные православные в своем большинстве не поддерживают партию власти, основным электоратом которой являются номинальные верующие.

Сильновоцерковленные верующие, т.е. индивиды, в наибольшей степени усвоившие нормы и убеждения околицерковного социума, в наименьшей степени поддерживают «Единую Россию», в то время как воцерковленные верующие, посещающие религиозные службы с частотой 1 раз в месяц, наоборот, оказывают самую высокую поддержку нынешней партии власти. Иными словами, для власти оказывается выгодной текущая ситуация наличия в стране широкого слоя номинально православного большинства, для которого социальные мотивы веры преобладают над религиозными.

Однако в процессе религиозной социализации российского общества происходит постепенный переток граждан из групп, находящихся на ранних стадиях воцерковления, в группы, характеризующиеся более высокими степенями воцерковленности. И если вектор на усиление процесса десекуляризации в России будет сохраняться, то сильновоцерковленных верующих будет становиться больше. Соответственно, численность активных консервативно-патерналистски ориентированных участников избирательного процесса, нелояльно настроенных по отношению к «Единой России», также будет увеличиваться. И хотя увеличение политического веса группы сильновоцерковленных верующих может быть компенсировано численным возрастанием провластно ориентированной группы воцерковленных верующих, предполагаемый десекуляризацией потенциал перетока воцерковленных в группу сильновоцерковленных создает неустойчивое положение для партии власти. Преодоление формирующегося десекуляризационными процессами дисбаланса политической и религиозной власти может быть достигнуто путем реализации одного из следующих вариантов:

- 1) смещение идеологической платформы «Единой России» в соответствии с поправившимися воззрениями электората;
- 2) создание правого дублера правящей партии, абсорбирующего потенциал сильновоцерковленного электората;
- 3) либерализация интерпретаций вероучения и норм, регулирующих церковную повседневность, смещение воззрений электората влево до позиции партии;
- 4) воспрепятствование процессам десекуляризации, замораживание текущей пропорции разновоцерковленных групп верующих.

Однако ныне здравствующие церковные иерархи не приветствуют ни идею либерализации вероучения и богослужебных практик, ни замысел воспрепят-

ствования процессам десекуляризации¹. Таким образом, при сохранении текущих темпов десекуляризации как минимум два варианта дальнейшего развития событий сопряжены с непосредственным столкновением интересов светской власти и РПЦ.

Список литературы

Богачев М.И. 2016. Воцерковленность и политические предпочтения православных верующих: количественный анализ. — *Религиоведческие исследования*. № 1(13). С. 8-76.

Железнова М. 2017. От «красного пояса» к «библейскому». «Православные» регионы чаще голосуют за власть. — *Ведомости*. № 4320. 15.05.2017. Доступ: <https://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2017/05/15/689762-ot-krasnogo-royasa> (проверено 30.06.17).

Крашенинников Ф. 2017. Зачем власти Церковь. — *Ведомости*. № 4305. 19.04.2017. Доступ: <https://www.vedomosti.ru/opinion/columns/2017/04/19/686321-zachem-tserkov> (проверено 30.06.17).

Синелина Ю.Ю. 2013. Религиозность в современной России. — *Отечественные записки*. № 1(52). Доступ: <http://magazines.russ.ru/oz/2013/1/21s.html> (проверено 30.06.17).

Ситников А.В. 2012. *Православие, институты власти и гражданского общества в России*. СПб: Алетейя. 248 с.

Тарусин М.А. 2006. *Реальная Россия. Социальная стратификация современного российского общества*. М.: Институт общественного проектирования; Эксперт. 677 с.

Wald K.D., Shye S. 1995. Religious Influence in Electoral Behavior: The Role of Institutional and Social Forces in Israel. — *The Journal of Politics*. Vol. 57. No. 2. P. 495-507.

BOGACHEV Maksim Igorevich, postgraduate student at the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (3-A Ljalin Lane, Moscow, Russia, 105062; bogachev2008@mail.ru), Master of Political Sciences, Lecturer at National Research University – Higher School of Economics

THE ORTHODOX DOES NOT MEAN PRO-GOVERNMENT: THE REASONS OF DIVERGENCE IN THE PARTY PREFERENCES OF ORTHODOX BELIEVERS

Abstract. *The article is devoted to relationship of Russian Orthodox Church and Russian state. The author clarifies some theses about the role of Orthodox believers in political process in modern Russia and reveals the results of his own research devoted to party preferences of Orthodox believers. He claims that devout believers do not vote for United Russia Party while nominal ones, on the contrary, give an active support to this party. The author opens the reasons for divergences in electoral preferences of Orthodox believers.*

Keywords: *sociology, sociology of religion, political science of religion, Orthodoxy, politics, political preferences, electoral preferences*

¹ Патриарх Кирилл осудил желающих обновить церковь «рясу носящих». 2017. — РБК. Доступ: <http://www.rbc.ru/society/16/06/2017/5943b3609a7947aa817b28d3> (проверено 21.06.2017).